

ГЛОРИЯ

Вход находился именно там, где им и объясняли: не доходя до потрескавшейся вывески «Похоронное бюро Малоера», между ателье мод и парикмахерской. Они прошли через заржавленные ворота и спустились вниз по одиннадцати скрипучим ступенькам и постучали ровно три раза. В наглухо заколоченной двери приоткрылось узенькое как щель окошко.

— Пароль знаешь, куколка? — подмигнул им темно-карий глаз.

Глория открыла было рот и тут же застыла. Этот момент она много раз репетировала перед зеркалом в спальне, проговаривала заветный пароль, открывающий двери в самый крутой во всем Чикаго «тихий» бар¹. И что с того, что она впервые в жизни тайком улизнула из дому, солгала при этом родителям и оказалась одна в городе? Уж не говоря о том, что ее платье (только вчера купленное) было таким коротким, что хватит одного хорошего порыва ветра — *хлоп!* — и она превратится из богатой сумасбродки, которая ищет приключений, в некое подобие стриптизерши.

— Ну, не молчи, я ж не буду ждать всю ночь! — рявкнул Глаз.

На верхней губе у нее проступили бисеринки пота. Казалось, она физически ощущает, как пот размывает старательно наложенный макияж и прочерчивает дорожки в тонком слое пудры.

---

¹ В период действия в США «сухого закона» (1919—1933) «тихими» называли подпольные бары, где шла оживленная торговля алкогольными напитками. Имелись и «тихие» столики в легальных барах — для обслуживания «надежных» клиентов. Незаконная торговля способствовала становлению и распространению организованной преступности. В отдельных штатах запрет на торговлю спиртным и его производство действовал до 1966 г. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

— Ой!

— Ну, давай же, говори! — ткнул ее локтем в бок Маркус, лучший друг, взявший сегодня на себя роль ее сообщника и неременного в таких местах спутника.

Глория сделала глубокий вдох: сейчас или никогда!

— Иш кабиббл?¹

— Неправильно. А теперь давай *катись* отсюда!

Сказав это, Глаз окончательно исчез.

— Ты, *должно быть*, просто разыграл меня, — набросилась Глория на Маркуса, сердито сверкая глазами.

— Но в последний раз, когда я сюда приходил, пароль был «иш кабиббл»! — оправдывался тот.

Синеватая полутьма, особенно здесь, на нижней ступеньке лестницы, смягчала резкие черты его лица, характерные для «золотой молодежи»: острые скулы и подбородок, не сходящую с губ самодовольную усмешку. Он казался вполне надежным. Заслуживающим доверия. Такой был способен вскружить не одну голову.

Глория понимала, отчего это девчонки вешаются ему на шею. Однако ее собственные отношения с Маркусом на три четверти были отношениями сестры и брата, и лишь одну четверть составляло некоторое сексуальное влечение — такую пропорцию следует считать здоровой и нормальной в любой дружбе мужчины и женщины.

— Ты сюда приходил... постой, я подсчитаю... раз... раз. Один раз. Верно, ты приходил сюда *только однажды*, Маркус. И то лишь потому, что заплатил своему дружку Фредди, чтобы он взял тебя с собой.

— Ну, ладно, я все же *был* там внутри. — И Маркус со вздохом скрестил руки на груди. — Давай я отвезу тебя домой.

---

¹ Искаж. произношение — вероятно, от *nisht gefidlt* («а мне все равно», «наплевать» — идиш). Выражение «иш кабиббл», не будучи ни английским, ни еврейским, получило в США распространение: так называлась шуточная песенка, исполненная впервые в 1913 г. Затем эти слова фигурировали в разных эстрадных номерах, а впоследствии (с 1931 г.) их взял в качестве своего сценического псевдонима популярный тогда комик Марвин Бог.

Домой? Да, всего несколько миль — сущие пустяки, если ехать на автомобиле, но Глория казалось, что до дома несколько тысяч миль. Великолепный «мерседес» отца (взятый тайком из гаража, когда шофер отправился спать) словно манил ее, сверкая в свете уличных фонарей. Наверное, ей действительно *надо было* просто взять и вернуться на такую знакомую улицу Астор-стрит, окаймленную деревьями, — тихую, спокойную и до невозможности *скучную*. К часу ночи она преспокойно могла проскользнуть в свою спальню и даже успеть бегло просмотреть несколько билетов к завтрашнему экзамену по истории Европы. Но разве не этого вечно ждут от нее все окружающие? И она, как послушная девочка, будет всегда выбирать только то, что безопасно?

Нет, сейчас она просто не могла уйти — ведь только одна дверь отделяла ее от того, чтобы совершить первый и единственный в жизни бунтарский поступок. Она уже пришла сюда, теперь надо только пробиться внутрь.

Глория снова забарабанила в дверь. Окошко приоткрылось чуть-чуть.

— Снова ты? Классная у тебя фигура, детка, но если ты сию же минуту не отправишься домой к папочке, я позову охранников..

— *Минутку*. Я прошу только об одном — дайте мне подсказку, одну-единственную. — Она надула покрашенные яркой, клубничного цвета помадой губы, потому что... ну, в кино это всегда помогало. — Если я угадаю с первой попытки — значит, мы проходим. А если нет, мы исчезаем.

Глаз прищурился угрожающе.

— Ты что же думаешь, здесь что-то вроде вечеринки, где играют в «угадайку»?

— Вот уж, право, не знаю, — холодно ответила Глория. Она слышала, как внутри заиграл оркестр и на улицу полились приглушенные мелодии джаза. — На вечеринки я не хожу. А игры приберегаю для мужчин.

— А этот, — Глаз взглянул на Маркуса, — вроде как настоящий громила? А что, разве нет?

— *Гло*, ты послушай! Это я громила? Ха-ха! — Маркус рассмеялся во все горло.

— Добро́. — Глаз закатился вверх. — Вот тебе подсказка: это неприличное действие, для которого ты еще слишком молода.

— Легко, — подпрыгнул Маркус. — Это...

— Ответить должна девушка, иначе я эту дверь закрою перед вашим носом навеки.

Слово так и вертелось у Глории на языке. Еще бы — вчера на уроке биологии лучшая подружка Лоррен написала ей записку как раз с этим выражением:

«Ах, божже мой! Вельду, с которой мы вместе работаем в лаборатории, только что выгнали... в прошлое вскрс на танцульках ее застали в туалете, когда КАПИТАН футбольной команды добросовестно ее...»

— *Натягивать*, — хрипло прошептала Глория и сразу залилась румянцем смущения: ей пришлось произнести вслух самое грубое слово, каким она могла назвать секс.

Глаз закрыл окошечко и распахнул дверь.

— Добро пожаловать в «Зеленую мельницу».

* * *

Она словно попала в рай для бунтарей.

Под потолком зала, лишённого окон, висело густое облако табачного дыма — казалось, здесь не было ни одного человека, в чьих руках не дымилась бы сигарета. Это облако пронизывали, переливаясь и играя, яркие лучи света с эстрады, от усыпанных блестками платьев дам, от хрустальных бокалов, в которых пенилось шампанское. В передней части зала — барная стойка из красного дерева, у которой толпилось множество уважаемых мужчин в костюмах-тройках или в смокингах; они нежно согревали в руках небольшие пузатые бокалы, наполненные янтарной жидкостью, и попыхивали толстыми сигарами. Вдоль стены располагались обитые зеленым плюшем кабинки, и в них сидело еще больше мужчин; у этих глаза бегали, а каждая фигура излучала ощутимую угрозу, даже когда они мирно жевали гамбургеры или шлепали по столу картами.

Среди всех этих мужчин так и порхали, сияя в ярких вспышках света, юные бунтарки. Глории было известно, что так нынче име-

нуют себя женщины, которые стараются держаться независимо. Беззаботные и шикарные, будто только что сошедшие с глянцевого обложки журнала мод «Вог» или с афиш очередного экстравагантного голливудского фильма. В этом баре они были повсюду. Лениво изгибались, поигрывали длинными сигаретами, зажатыми в унизанных кольцами пальцах, отплясывали чарльстон, рисуясь каждым движением, и бесстыдно флиртывали, то и дело надувая губки и потягивая коктейли. Они чем-то походили на экзотических птичек: на обнаженные плечи наброшены огненно-красные боа, отделанные серебром шляпки украшены плюмажами из павлиньих перьев, помада цвета бычьей крови безукоризненно обрисовывает изгибы губ, а с шей свисают бесчисленные нитки матово блестящих жемчугов, платья усыпаны блестками, всюду сверкают фальшивые бриллианты. И так много не прикрытого одеждой *тела*. Даже на морских пляжах Глория никогда не видела женщин, обнаженных до такой степени.

Нигде еще она не чувствовала себя такой белой вороной. В лорелтонской женской школе высшей ступени она была президентом «Общества почета», примером для всех прочих девочек. Но здесь Глория показалась себе такой бедно одетой неумытой провинциалкой — может, откуда-то из Арканзаса, — с которой никто не хочет садиться за один столик даже на большой перемене. Ее платье из шифона персикового цвета, без рукавов, с тонким кружевом по плечу и с юбкой-колоколом, безнадежно устарело для здешних бунтарок. На их фоне оно смотрелось слишком длинным, слишком простеньким — более того, в полутьме оно стало казаться розовеньким, подумать только! Как будто Глория явилась прямиком из викторианской эпохи.

Она попробовала отыскать глазами Маркуса — по крайней мере он мог бы сделать ей какой-нибудь не совсем искренний комплимент, — однако нигде его не увидела.

Мимо прошел официант в смокинге, с подносом, полным разнокалиберных чашек, кружек и бокалов.

— У вас, случайно, не найдется воды? — воззвала к нему Глория, перекрикивая музыку.

Он протянул ей чайную чашку, и Глория залпом выпила прозрачную жидкость. И только проглотив ее, почувствовала, как